

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»

**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

В соавторстве

с Андреем Крузом

**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Цикл «РЕЗОНАНС»

**РЕЗОНАНС
ЭПИЦЕНТР
НЕГАТИВ. АТТЕСТАЦИЯ
НЕГАТИВ. ЭСКАЛАЦИЯ
МОСКИТ. МОБИЛИЗАЦИЯ
МОСКИТ. КОНФРОНТАЦИЯ
ЦЕЙТНОТ. ИТЕРАЦИЯ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЦЕЙТНОТ. ИТЕРАЦИЯ

РОМАН

Москва, 2024
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1360

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.

К67 Цейтнот. Итерация: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2024. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3560-9

Двадцатый год жизни, второй курс института. Учеба, работа, развитие сверхспособностей... и никакой личной жизни. Слишком много обязательств, слишком мало свободного времени. Но ты не в претензии, ведь именно сейчас, выламываясь за пределы изначальной инициации, ты закладываешь фундамент будущей карьеры. И пусть пока что тебя во многом направляют, будто проходную пешку, не за горами тот день, когда сам начнешь определять свою судьбу. Если только прежде не сгинешь в уличных беспорядках и не увязнешь в трясине политических интриг, если успеешь стать практиком до того, как привычный уклад жизни вдребезги разлетится под натиском глобальных перемен. А те уже на подходе!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2024
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2024

ISBN 978-5-9922-3560-9

Часть первая ИТЕРАЦИЯ

ГЛАВА 1

Чем хороши смены в резервной группе Бюро оперативного реагирования РИИФС, так это кучей свободного времени. Со всеми незначительными инцидентами в рабочем порядке разбираются дежурные патрули, а ты просто сидишь и ждешь срочного вызова на действительно серьезное происшествие. Это не по жилым кварталам или студгородку колесить, вынося предупреждения нарушителям общественного порядка, останавливая для проверки документов подозрительные личности и разнимая редкие потасовки. Тут всех дел — занять себя чем-нибудь, дабы не полезть на стену от скуки.

Можно спать и медитировать, штудировать конспекты лекций и готовиться к семинарам, читать свежую прессу и слушать радио. В крайнем случае — играть в карты, а если вдруг никто не составит компанию, просто раскладывать пасьянс. Собственно, всем этим я и мои подчиненные прямо сейчас и занимались.

Срочные вызовы? За полгода работы в Бюро случались исключительно учебные тревоги. Но если что — мы тут как тут.

Наверное.

Я зевнул и едва не вывихнул челюсть, тогда оторвался от учебника экономической теории и помассировал кончиками пальцев виски. После мотнул головой, не без труда подавил очередной зевок и оглядел караулку.

Матвей Пахота тихонько сопел на диванчике. Ничего необычного, все как всегда. Для громилы дежурство в резервной группе являлось единственной возможностью нормально выспаться — дома с двухмесячной лялькой сделать это было не так-то и просто.

Невысокий, худощавый и жилистый Митя Желудь — обычно подвижный, будто капля ртути, — уже которую смену вел

себя тише воды ниже травы; сейчас он сидел на подоконнике и сосредоточенно раскладывал пасьянс.

Илья Полушка и Сергей Клевец читали «Пролетарский листок». Тут все свои, вот и демонстрируют запрещенную прессу без опаски вылететь с курсов младшего начальствующего состава.

Смуглые и черноволосые близняшки Фая и Рая сидели у радиоприемника, который тихонько наигрывал фокс-марш «В цирке начинается жизнь», и то посматривали на приятелей-пролетариев, то выразительно переглядывались между собой.

Уголки губ погруженного в медитацию Льва Ригеля всякий раз в такие моменты слегка приподнимались — не иначе обладавшие способностями к ментальному общению барышни мысленно костерили своих бывших кавалеров. Тот факт, что молодые люди завели себе новых подружек, равнодушными сестер не оставил.

Максим Бондарь отсутствовал, но он подчинялся мне лишь номинально. Не было и нашего непосредственного начальника Александра Малыша.

В январе ему присвоили звание кандидат-лейтенанта, я же пока так и оставался старшиной. Он — руководитель группы, я — его заместитель. Что тоже весьма и весьма неплохо, поскольку в отличие от других групп у нас рядовых и ефрейторов не было вовсе, сплошь кандидаты и сержанты, все с курсов младшего начальствующего состава. Команду именно по этому принципу и сформировали: комендатура ОНКОР поделилась с институтом перспективными молодыми кадрами, дабы те набирались опыта и хоть как-то отработывали свое содержание.

Я потянулся и хрустнул костяшками, оправил униформу с четырьмя лычками на левом рукаве и символикой РИИФС на клапане нагрудного кармана. Больше — ничего, никаких наград. Мог бы нацепить, просто не посчитал нужным, как не стал делать этого и Матвей. А вот Фая и Рая щеголяли лентами сразу нескольких медалей, в том числе и республиканской «За оборону Белого Камня».

Мне таковой не пожаловали, но если разобраться, то и не должны были. Отчасти печалило лишь то обстоятельство, что наградные документы по другим делам так где-то в высоких кабинетах и затерялись. Впрочем — плевать. Медаль «За боевые заслуги» дали, в старшины произвели, содержат, учат, развивают — что еще нужно?

Славы и всенародного признания? Нет. Пожалуй, все же нет.

Я поправил оттягивавшую пояс кобуру и глянул на учебник, но зубрить экономические термины и законы не хотелось, вот и заколебался.

Митя Желудь эту мою нерешительность неведомым образом уловил и предложил:

— В «очко»?

Мы если и не приятельствовали последнее время, то давным-давно закопали топор войны, и все же я покачал головой.

— Не хочется.

Пустое! Митя утомился молчать и прицепился будто репей. Он спрыгнул с подоконника и устроился напротив.

— А слышал, что Барчук учудил?

Бил, пройдоха, наверняка, мне ничего не оставалось, кроме как вздохнуть:

— И что же?

Нет — мог, конечно, разыграть безразличие, но Митю было в любом случае не заткнуть, да и не купился бы он на этот немудреный блеф. Чего уж греха таить, заинтересовал таким своим заходом он меня не на шутку.

— В столицу перевод оформил! — выпалил Желудь.

Я озадаченно хмыкнул.

— Seriously?

— Ага, — подтвердил Илья. — Вахтером устроился.

— Не вахтером, а сотрудником ВОХР, — поправил приятеля Сергей. — И не рядовым бойцом, а начальником смены. Или караула, точно не знаю. Короче, на сержантскую должность ушел.

— А-а-а! — понимающе протянул я. — За Машкой рванул. Вот же нейметя!

— Не факт. Барчуку без Дыбы в комендатуре ничего не светило, — резонно заметил Сергей Клевец. — Ну а жалованье начальника смены в разы выше довольствия нашего младшего сержанта. Столица опять же. Перспективы!

Но я этот аргумент в расчет не принял.

— Да из-за Машки он перевелся. Точно вам говорю!

Получив назначение в столичное отделение Республиканского идеологического комиссариата, Василь Короста сумел таки перетащить за собой подружку, вот Барчук и засуетился. Ума не приложу, чего он так к этой недалекой девице прики-

пел. Наверное, я просто в отношении ее предвзят. Признаю — грешен.

— Да что вы раскудахтались! — взорвался Митя Желудь, который, пока мы обменивались репликами, все порывался что-то добавить, но не мог вставить ни слова. — Барчук же не один перевелся! Он еще Антона и Михея сблатовал! С ним работать будут! Точнее — под ним.

А вот это известие стало для приятелей-пролетариев сюрпризом, они озадаченно переглянулись.

— Ну и вредитель! — возмутился Илья.

— Эти два барана тоже хороши! — выдал Сергей. — За длинным рублем погнались! Поразительная несознательность! В наше-то судьбоносное для страны время!

— Инфантилизм и преступная аполитичность! — поддержал его товарищ.

Тут уж не выдержали близняшки.

— Посмотри на них: хуже кумушек-сплетниц! — во всеулышание заявила Фая.

Приятели-пролетарии выпад в свой адрес привычно проигнорировали, а вот Митя возможности затеять свару не упустил.

— Можно подумать, сами подружкам косточки не переживаете! — попытался спровоцировать он сестричек на конфликт, но в этом не преуспел и вновь повернулся к «псам». — А вы чего на парней взелись? Чем вам вахтеры не угодили? Нешто не пролетарии и не своим трудом живут? Да, между прочим, если бы наши вахтеры свое дело знали, старичка-профессора на нож бы и не поддели!

Убийство заведующего одной из второстепенных кафедр РИИФС наделало много шума, но тот случай мы давно уже обсудили во всех подробностях, и я щелкнул пальцами, вновь привлекая внимание Мити.

— Да погоди ты, балабол! Антон-то чего уехать решил? У него же с Маринкой шуры-муры!

— Ага, — кивнул Клевец. — Они ж не разлей вода!

— Делов-то, господи! — фыркнула Рая. — Поматросил и бросил! Будто что-то необычное!

Илья и Сергей затравленно переглянулись, но в дискуссию с близняшками вступать не стали, промолчали. А вот заваривший эту кашу Митя Желудь с довольной улыбкой откинулся на спинку стула и заявил:

— Да какое не разлей вода? Устаревшая информация! Как Маринка в институт поступила в октябре, так у них и пошел разлад. Чай, студентика себе какого-нибудь присмотрела. Так, Петя? Общаешься с ней? Маринка ведь тоже на военной кафедре?

Я озадаченно покачал головой.

— Не замечал ничего такого. Думал, у нее с Антоном все серьезно.

И тут я душой нисколько не покривил. При встречах с Мариной Дичок на еженедельных заседаниях актива военной кафедры у меня никогда и мысли не возникало, что у нее нелады на личном фронте. Попытки ухаживания со стороны молодых людей она воспринимала без всякого энтузиазма, но о какой-то замкнутости при этом и речи не шло. Наоборот — Маринка сразу обзавелась кучей знакомств, и в последнее время без ее активного участия не обходилось решительно ни одно мероприятие. Да и карьера папеньки, насколько мне было известно, вновь пошла в гору. С недавних пор Василий Архипович в чине майора возглавлял службу сверхэнергетической защиты вновь созданного Особого зарубежного корпуса, который базировался в Джунгарии, ныне — союзной нам Джунгарской народной республике.

Диверсия на источнике-девять и последовавшее за той наступление республиканских сил вынудили нихонских империалистов пойти на серьезные уступки, и я по праву гордился своим участием в столь судьбоносных для страны событиях. Взрыв экспериментального заряда не только до предела осложнил дальнейшее использование аномалии, но и вызвал кратковременную энергетическую судорогу, а уже та, в свою очередь, заставила вражеских операторов упустить контроль над удерживаемыми в активном состоянии конструкциями. Тогда-то наши и перешли в наступление.

И пусть широкая общественность о моей роли в прорыве линии фронта не знает и не узнает еще лет пятьдесят, обделенным я себя отнюдь не полагал. Не в наградах дело. Совсем не в них. Все верно тогда Городец сказал: эта акция была в кровных интересах республики. А исполнители... Исполнители остались в тени, но отнюдь не внакладе.

— Они уже уехали? — спросил я. — Барчук с приятелями в смысле.

— Вчера еще, — вновь продемонстрировал Митя свою осведомленность. — Им на экспресс литеры выдали.

— Ну и чудненько, — усмехнулся я совершенно искренне.

Всякий раз, когда случайно встречался с Барчуком в учебном центре ОНКОР, так и чесались руки свернуть поганцу шею. Иногда столь лютая злоба накаtywала, что самому боязно становилось, ну а теперь пусть Василь ходит да оглядывается. Ничего, он большой мальчик, все прекрасно понимал, когда к Машке клинья подбивал.

«Но телеграмму ему послать определенно стоит», — подумал я, и тут распахнулась дверь, в комнату вошел Максим Бондарь — светловолосый, среднего роста и спортивный, донельзя элегантный в своем пошитом на заказ костюме.

— Привет физикам! — с порога объявил он. — А вас, дамы, с первым днем весны! Извините, что без цветов.

Близняшки заулыбались, а Митя отсалютовал пятерней и в тон ответил:

— Привет химикам!

Уж не знаю, какой острослов нарек оперативников Бюро химиками — то ли аббревиатура БОР свою роль сыграла, то ли намекалось на склонность оперов химичить с доказательствами, но словечко пошло в народ. Ну а сотрудников управления физической защиты сам бог велел физиками именовать, тут все ясно и понятно.

— Вы вот сидите и не знаете даже, какие дела в столице творятся! — изрек Макс, воздев к потолку руку со свернутой в трубочку газетой. — Не читаете свежую прессу, и напрасно!

Сергей Клевец с демонстративным видом расправил «Пролетарский листок» и отгородился им от Бондаря. Илья Полушка фыркнул:

— Все мы читаем! В курсе новостей, не сомневайся!

Макс откровенно расстроился и кинул газету на стол.

— А чего не обсуждаете?

— Давно уже все обсудили, — заявил в ответ Илья.

— Да как — давно? — удивился парень. — Номер только из печати! Бумага еще остыть не успела!

Митя Желудь сцапал пахший типографской краской выпуск «Столичных известий», а Сергей Клевец презрительно бросил:

— Буржуазным борзописцам никогда не сравняться в оперативности со свободной прессой!

— Чего-о-о? — протянул Макс. — Это подпольный-то листок, который вы через третьи руки получаете, оперативный источник информации?

Друзья-пролетарии разом напряглись.

— А какие у тебя политические убеждения, а? — спросил Сергей. — Вот мы принципиальные...

— Кто бы о принципиальности говорил! — немедленно влезла в разговор Рая. — Фая, ты слышала? У этих кобелей, оказывается, принципы имеются!

— Врут и не краснеют! — отметила ее сестрица.

Но нет — покраснели. По причине возмущения, полагаю. Достали их близняшки, как пить дать достали. За живое зацепили.

Я приготовился вмешаться, но тут присвистнул Митя.

— Ну ничего себе! Вот это новости!

— Желудь, ты с дуба рухнул? — окрысился Сергей Клевец. — Ты же с нами был, когда мы отказ в реструктуризации республиканского долга обсуждали!

— Да отстань ты со своими долгами! — отмахнулся Митя. — Пишут, патриарх воцерковленным под угрозой отлучения инициацию запретил!

— Чего?! — опешил я, выдернул газету и глянул на заголовок передовицы.

Но да — все так и есть. Запретил.

Да это же просто вредительство какое-то!

Ой, что сейчас начнется...

— Я же говорил! — подбоченился Максим Бондарь. — А вы...

— Да что ты говорил?! — рявкнул я, поднимаясь из-за стола. — Повышенная готовность! Лев, подрывайся! Матвей, не спи!

Номер только-только в продажу поступил, но такая новость со скоростью лесного пожара по студгородку разнесется. А еще ведь радио есть! Сейчас начнется, если уже не началось...

— Все потом! Вооружайтесь! — распорядился я, обрывая расспросы. — Полная экипировка!

— Да какая муха тебя укусила?! — удивился Лев. — Ну запретил и запретил, что с того?

Он то ли от медитативного транса вот так сразу не отошел, то ли за последние два года успел позабыть, сколь сильно влияние церкви на общество, а вот я не сомневался, что новость прокатится по Новинску самым настоящим цунами. Операторы такого не стерпят, наверняка горячие головы глупостей натворят. Без провокаций точно не обойдется.

— У нас уличные беспорядки на носу, — буркнул я. — Живей собирайтесь!

Горький опыт прошлогоднего нападения на институт был учтен, и на вооружении команды немедленного реагирования помимо шоковых дубинок и пистолетов состояли два автомата, снайперский карабин, несколько ППС и даже ручной пулемет, а средства защиты не ограничивались касками и ростовым щитом, каждому полагался еще и противогаз. Ну и выдвигаться на место происшествия нам предписывалось не своим ходом, а на легковом вездеходе и мотоцикле с коляской. И пусть к разгону уличных выступлений Бюро точно не привлекут, под шумок могут проявиться местные саботажники, засланные диверсанты и прочий асоциальный элемент. Требовалось быть готовым к самым серьезным инцидентам.

Я закинул за спину ранец с противогазом и продел руки в его лямки, распахнул дверцу оружейного шкафа, вытянул из крепления ППС, достал подсумок со снаряженными магазинами.

— А смысл? — страдальчески протянул Лев. — Все спокойно, диспетчеру никаких особых указаний по усилению режима не поступало!

Я лишь позавидовал его способностям к ментальному общению и подтянул к себе телефонный аппарат, но только снял трубку, как распахнулась входная дверь.

— Отставить! — скомандовал Александр Малыш и сразу поправился: — Пахота, ты собирайся. Дуй к служебным воротам! Туда сейчас штурмовой взвод подъедет.

— Есть! — коротко ответил Матвей, схватил неподъемный на вид ростовой щит и выскочил с ним в коридор.

— Теперь что касается вас... — оглядел кандидат-лейтенант оставшихся. — Работать будете в штатском. Инструктаж через пять минут. Бегом марш переодеваться!

И вот к нему уже с расспросами никто приставать не решился, даже прикомандированный к нам из аналитического дивизиона Лев. Мы вернули табельное оружие в шкафы, избавились от снаряжения и побежали в раздевалку.

— Накаркал! — укорил меня Митя Желудь.

— Иди ты! — ругнулся я, расстегивая форменную тужурку.

Лев вытянул из шкафчика пошитые на заказ брюки, с нескрываемым сомнением оглядел стрелки и страдальчески вздохнул:

— Еще я только в костюме хулиганов не ловил!

Илья Полушка презрительно фыркнул, он точно не отдавал себе отчет, сколько денег ушло у Льва на материал и работу портного, а вот я имел некоторое представление об этом, да к тому же прекрасно помнил, как сам изгваздал в крови новенький костюм, поэтому поспешил успокоить бывшего одноклассника, заявив:

— Тебя как аналитика задействуют. В сторонке постоишь.

Прятели-пролетарии при моих словах переглянулись, и Сергей спросил:

— А нам порчу личной одежды возместят деньгами, если что?

— Ага, — расплылся в улыбке Митя Желудь. — А потом догонят и еще раз возместят!

— Ой, да заткнись ты!

— И вообще, откуда такие буржуазные замашки?

— Заткнись, сказал!

— Сам заткнись!

Я поспешил вмешаться и хлопнул в ладоши.

— Все, ходу!

Клевец что-то неразборчиво проворчал, но с кулаками на Митю бросаться не стал и первым двинулся на выход.

Мы вернулись в дежурку и обнаружили там только Бондаря и близняшек, успевших поменять униформу на теплые шерстяные платья, отороченные мехом жакеты и одинаковые шляпки. Наше появление сестричек определенно не порадовало, а вот Максим улыбался барышням как-то очень уж натужно.

— Малыш где? — спросил я его.

Тот указал на дверь.

— Сейчас подойдет.

Долго ждать не пришлось, почти сразу в коридоре послышались быстрые шаги, и в дежурку вошел Александр Малыш — невысокий, крепко сложенный и широкоплечий, со сбитыми костяшками кулаков.

— О новостях уже наслышаны? — с порога уточнил он.

— Так точно! — подтвердил я за всех.

— Там, — указал он куда-то себе за спину, — тоже. У студентов здравомыслия мало, а гонору и энергии много, их даже провоцировать не придется, своей охотой бузить начнут. Наша задача предотвратить беспорядки, заблаговременно выявив и нейтрализовав зачинщиков.

Прятели-пролетарии переглянулись, и Сергей указал на оружейный шкафчик.

— Даже без дубинок?

Макс Бондарь не удержался от презрительной ухмылки.

— Сказано же тебе: выявлять зачинщиков будем! Или ты войну со студентами начать собираешься?

— Именно! — кивнул Малыш. — Задержанием правонарушителей займется подразделения комендатуры, вы будете работать в толпе вплоть до начала разгона манифестации. — Он побренчал чем-то, затем разжал кулак. — Разбирайте!

На его ладони лежали институтские значки, как те, что украшали лацканы моего пиджака и пиджака Льва. Если разобраться, лучшей маскировки и не придумать вовсе, сразу видно — свои.

— Церковь Ильи Пророка уже оцеплена, но на площади перед ней и в сквере у главного корпуса собираются студенты.

— Это не единственная церковь в городе, — отметил я.

— Остальные не наша головная боль! — отмахнулся Малыш. — Большинство церквей в западных районах города, это зона ответственности полицейского управления, там ситуация не столь критичная. Главное сейчас уговорить студентов. Посему будете выявлять... — Он начал загибать пальцы. — Provokatorov, буйных и неадекватных — всех тех, кто может завести толпу. Обращайте особенное внимание на операторов с заведомым превышением ограничения потенциала. Петр и Лев, вас это касается в первую очередь.

Я кивнул, но без всякого энтузиазма. Если Лев обладал чувствительностью, достаточной для точной оценки удерживаемого другим оператором потенциала, то мне приходилось полагаться на оценочные суждения с весьма и весьма серьезной степенью погрешности. Впрочем, уловить существенное превышение установленного с начала этого года лимита в сто килоджоулей было по силам даже мне.

Справлюсь!

— Информацию обо всех правонарушителях передавайте Ригелю, — указал Александр Малыш на Льва. — Сами действуйте по обстоятельствам, но в происходящее вмешивайтесь только в исключительных случаях. И главное — не обостряйте ситуацию! — Руководитель смерил всех пристальным взглядом, после чего продолжил инструктаж: — В случае задержания бойцами комендатуры сопротивления не оказывайте, слово для опознания: «лимон». Работать будете двумя группами.

Макс, бери себе Клевца, Полушку и Фаю. Петр, с тобой будут Желудь и Рая. Лев, остаешься при мне. Выходим через служебные ворота, на проходных сейчас столпотворение.

Но вот так сразу никто никуда не пошел, еще добрых двадцать минут Малыш растолковывал нам, кому из манифестантов следует уделить первоочередное внимание. Лишь когда задрезжал телефонный аппарат и кандидат-лейтенант обменялся с кем-то парой ничего не значащих фраз, последовала команда выдвигаться.

Мы покинули дежурку и обнаружили, что хоть студенты и пребывают в состоянии крайней ажитации, пока что все ограничивается оживленными дискуссиями и спорами, да еще повсеместно мелькают красные нарукавные повязки дружинников. На территории студгородка ситуация определенно оставалась под контролем администрации, опасения внушали только длиннющие очереди, выстроившиеся к проходным.

В отстойнике у служебных ворот готовились к выступлению бойцы штурмового взвода, еще там обнаружилось несколько броневиков, вездеходов и мотоциклов ОНКОР. Владимир Ельня заметил Малыша, подошел и предупредил:

— Саша, у вас не больше получаса!

— Понял! — отозвался Александр и поторопил нас: — Быстрее!

Ближайший перекресток уже контролировали бойцы комендатуры, но со стороны сквера доносился глухой гомон многолюдной толпы, а еще там необычайно низко, едва ли не на уровне шпиля центрального корпуса завис дирижабль.

— Встречаемся у центрального входа! — предупредил Малыш, указав на выстроившиеся у крыльца кареты «скорой помощи» и кучковавшихся поблизости сотрудников управления физической защиты. — Не разделяйтесь, держитесь друг друга! Вперед!

Вперед? Я передернул плечами, прогоняя забравшийся под пиджак холодок, но сразу опомнился и снял кепку, сунул ее Льву.

— Подержи.

— Давай.

Стылый мартовский ветерок вновь заставил поежиться, но я уже переборол неуверенность и с показной беспечностью зашагал к скверу. На деле же мне было откровенно не по себе. Искажения энергетического фона накатывали колючими волнами помех — множество собравшихся в одном месте операто-

ров, взбудораженных и злых, порождали пугающую аномалию, приближаться к которой нисколько не хотелось.

Я и без того в стокилометровой зоне активного излучения Эпицентра чувствовал себя не лучшим образом, а тут и вовсе не в своей тарелке очутился. Но деваться было некуда, поэтому до предела усилил заземление и попытался полностью отгородиться от внешнего фона, сотворив дополнительный силовой контур. Просто так, на всякий случай. Лишним точно не будет.

— От меня ни на шаг, — предупредил я сослуживцев. — Митя, ты замыкающим. И обращайтесь внимание на людей без студенческих значков.

— Почему именно на них? — удивилась Рая.

— Тут студенты бузят, — пояснил ей Митя Желудь. — Чужаки с большей вероятностью провокаторами оказаться могут.

Я мотнул головой и повернул к скверу, где среди деревьев, на тропинках и у фонтана толпились взбудораженные студенты. Они лишь оживленно переговаривались меж собой, наблюдая за митингом со стороны, тут никто не выкрикивал ни лозунгов, ни речовок, и мы поспешили дальше, где обходя компании молодых людей и барышень по газонам, где проталкиваясь между ними.

Доносившийся с площади гул голосов понемногу начал складываться в слаженное скандирование:

— Попы, пошли вон! Попы, пошли вон! Попы — вон!

По боковым улицам к трамвайному кольцу продолжали подходить горожане. Стянутые к институту комендантские патрули перехватывали некоторых из них, проверяли документы, о чем-то расспрашивали. Преимущественно никого не задерживали и пропускали дальше, лишь изредка препровождали отдельных персонажей к отогнанным в соседние дворы фургонам. На крышах домов мелькали фигуры людей, всюду стрекотали кинокамеры и щелкали фотоаппараты. Журналистов, если это были журналисты, никто не трогал.

— Да вроде порядок, — отметил Митя.

Порядок? Вот уж не сказал бы!

Подходы к церкви перекрыли грузовиками, зато на площади с трамвайным кольцом митингующих скопилось столько, сколько тут не собиралось на моей памяти никогда. И это ведь не простые обыватели, это — операторы! Все или почти все!

Пусть даже никто из них не может похвастаться боевым опытом, если начнется заварушка, мало нам точно не пока-

жется. Не расстреливать же их! Ценнейшие ведь кадры! Да и урон репутации института получится страшнейший.

Вот чего команду выдвигаться не давали, чего ждали? С какой стати прилегающие улицы до сих пор не перекрыли? Или это не сделано намеренно? Но смысл?

И, к слову, как так вышло, что по радио о столь значимом для всех жителей Новинска событии и словом не обмолвились? А если по каким-то волнам информация уже прошла, почему ее до нас оперативно не довели? Просто не посчитали нужным. Странно это, странно и подозрительно. Не иначе какая-то контригра затеяна, и мы в ней пешки.

Потряхивать меня начало еще на выходе из сквера, а потом и вовсе тошно сделалось. Единый вроде бы вал помех по мере приближения к разгоряченной толпе все сильнее и сильнее разваливался на отдельные волны и колебания, те накатывали невпопад, пробивались через заземление, отвлекали и сбивали с толку. Операторов-недоучек, взбудораженных и агрессивных, на площади набралось превеликое множество, создаваемые ими энергетические аномалии накладывались друг на друга, искажались, умножались и расслаивались. Воздух покуда еще не искрился от разлитой в пространстве сверхсилы, но тут и там между собравшимися уже проскальзывали искры статического напряжения.

С другой стороны, это и неплохо даже, наверное: в подобной атмосфере и просто находиться неприятно, а создать энергетическую структуру или тем паче полноценную конструкцию если только у одного на сотню получится. Тут даже высшее образование успеха не гарантирует, только опыт практической работы в полевых условиях. А откуда бы ему у студентов взяться? Уж на что я в технике заземления поднаторел, и то сейчас полностью нивелировать внешнее воздействие не в состоянии!

Кожу драло колючим холодком, внутри неприятно сосало, щипало глаза. Всех собравшихся на площади операторов объединяла гармония Эпицентра, а я выламывался из нее и существовал с митингующими не в такт. Пришлось активней задействовать адаптивную технику, на лету изменять частоты и колебания, подгонять их под себя, раз за разом подстраиваться под неуловимые искажения всеобщего ритма.

— Ты чего? Идем! — поторопил меня Митя.

Я поднял руку, миг еще постоял так и двинулся дальше, понемногу успокаиваясь и готовясь начать действовать. Ситуа-

ция складывалась крайне неоднозначная. Нормально оперировать сверхсилой в текущих условиях было чрезвычайно сложно, и вместе с тем какой-нибудь взбудораженный недоумок запросто мог врезать по стражам порядка элементарным воздействием, куда менее требовательным к стабильности энергетического фона.

«Да они тут поубивают друг друга, если что-то пойдет не так!» — мелькнула пугающая мыслишка, но я заставил себя выкинуть дурные предчувствия из головы. Пора было приступать к работе.

Влиться в толпу митингующих получилось без всякого труда. Столпотворение начиналось лишь ближе к центру площади, по ее краям студенты стояли поодиночке и небольшими группами. Я стал пробираться между ними, Рая двинулась следом, Митя на полшага отстал, страхуя барышню.

— Попы — вон!

Помехи сбивали с толку, заземление приходилось удерживать усиленным до предела, и очень скоро я оставил попытки ощутить близость операторов с заведомым превышением установленного лимита внутреннего потенциала, вместо этого взялся оценивать поведение собравшихся, ориентируясь на излишнюю агрессивность и все то, что не соответствовало стихийному характеру собрания. Вычленил из среды случайных людей запевал, принимавшихся голосить, стоило только умолкнуть очередной речовке; заводил, разогревавших толпу и задававших ритм слаженными хлопками; кликуш, требовавших прорываться через оцепление к церкви. А еще — крепких ребят, которые оттирали студентов, не позволяя им напирать на активистов.

Группа здесь, команда там. Вроде бы сами по себе. Или нет?

Или есть координаторы?

Не вижу.

Замечая подозрительное поведение, я всякий раз условными знаками давал знать Рае, информацию о ком следует передать Льву; та страдальчески морщилась, но со своими обязанностями пока что справлялась. Изредка мне удавалось уловить очень уж значительные потенциалы оказавшихся поблизости операторов, тогда сообщал барышне и о них.

Да, это была капля в море, но работали мы на площади не одни: время от времени на глаза попадались знакомые из Бюро оперативного реагирования и службы охраны РИИФС, раз

пересеклись с оперативниками комендатуры, которые, такое впечатление, целенаправленно выискивали в этом бедламе кого-то конкретного. Мы двигались по часовой стрелке, понемногу забирая к центру митинга, где разогревали толпу сразу несколько ораторов, и если поначалу протискивались между манифестантами без особого труда, то чем дальше, тем плотнее те стояли друг к другу, вскоре пришлось начать всерьез работать локтями. Меня перемещаться в толпе учили, да и Митя не отставал, но еще приходилось тащить за собой Раю, и возник реальный риск потеряться в толчее.

Тычки, толчки, кто-то наступил на ногу, кто-то в прыжке двинул локтем в голову. И уже просто беспрестанный рев разгоряченной толпы:

— Вон!!!

Ораторов прикрывали сдерживающие напор манифестантов активисты, а я получил ощутимый удар под ребра, выругался и был вынужден отказаться от намерения забраться в самый центр столпотворения, начал сдавать назад. И правильно сделал: крики и вопли митингующих достигли своего апогея, а потом вдруг басовито хлопнуло, над площадью разнесся низкий гул, что-то засвистело на самой грани слышимости, кто-то даже зажал ладонями уши.

— Расходитесь! — громогласно объявили с небес, враз перекрыв все речовки, лозунги и призывы.

Рая вцепилась в мое плечо мертвой хваткой, а у некоторых и вовсе ноги подкосились. Многие завертели по сторонам головами, не веря собственным ушам.

— Расходитесь! Обнулите потенциал и немедленно покиньте площадь!

Манифестанты в недоумении уставились на зависший над площадью дирижабль, но вещали определенно не оттуда.

— Оставшиеся на площади будут привлечены к административной ответственности и лишены стипендии! Сопrotивление сотрудникам комендатуры повлечет отчисление из института и досрочное распределение или отправку на принудительные работы! Расходитесь!

И студенты действительно стали расходиться. Разумеется, прорняло далеко не всех, и не так уж и много людей поспешили покинуть центр площади, зато по периметру толпа начала стремительно редеть. Ну да — одно дело дать выход праведному гневу и протестовать за все хорошее против всего плохого, и совсем другое — совершать осознанное правонарушение с

риском вылететь из института и загреметь в вахтеры, армию или даже на лесоповал, а то и вовсе лишиться сверхспособностей.

Активисты — те самые запевалы, заводилы и кликуши, — мигом изменили тактику и принялись удерживать и стыдить покидавших площадь студентов. Одного такого я будто невзначай оттер плечом, а Митя коротко пробил ему по почке, парень враз позабыл о своей гражданской позиции и со стоном опустился на корточки.

Раздались призывы идти громить церковь, но разобрать их мешал заметно усилившийся свист, а еще толпу начали выдавливать с площади. Наступление бойцов комендатуры или сотрудников Бюро оперативного реагирования запросто могло сподвигнуть горячие головы на ответную агрессию — просто в силу крепко-накрепко укоренившегося в студенческой среде представления о превосходстве над простыми людьми, но именно что простых людей в оцеплении сейчас и не было, одни только операторы. И давили они не щитами, а сверхсилой.

И тут же — будто гвоздь в голову, очередное требование, теперь уже откровенно громогласное:

— Расходитесь!

Митя придержал меня, потряс головой и крикнул в ухо:

— Валим?!

— Да!

Я не разобрал суть направленного на толпу воздействия, но отток с площади случайных людей резко усилился, теперь уже очень многие студенты сообразили, что шутки кончились, и спешили уйти, дабы не угодить в число неблагонадежных. Многие — но далеко не все.

— Держим строй! — заголосили где-то неподалеку. — Не расходимся! Работаем! Поехали!

Резко колыхнулся энергетический фон, ворох помех перекрыл все прежние искажения, и я развернулся, начал пробираться против движения покидавших площадь студентов, уже без всякого стеснения распихивая их и расталкивая. Рая и Митя двинулись следом.

— Расходитесь!

Ударивший звуковой волной призыв едва не заставил опуститься на корточки, но мы все же прорвались к группе молодых людей, которые, встав в круг и отгородившись силовым куполом, образовали небольшой островок спокойствия. Дополнительно их опекало с полдюжины активистов, но крепкие

на вид юнцы прикрывали операторов от разбегавшихся с площади студентов, а нам удалось зайти к ним с тылу.

Я сразу заметил плечистого блондина, показавшегося старше всех в компании, тот уже вошел в резонанс, в то время как остальные еще только выгадывали момент для погружения в транс.

— Пакуем и валим! — распорядился я. — Меня не ждите, я прикрою!

Купол силовой завесы предназначался исключительно для гашения энергетических искажений и помех, так что сверхспособности задействовать не пришлось, вместо этого на очередном громогласном требовании разойтись я шагнул через едва различимую пелену и будто бы случайно налетел на блондина, несильно пихнув его при этом ладонью в спину. Меня сразу оттолкнул в сторону подскочивший активист, но за краткий миг контакта я успел поделиться с оператором собственной гармонией с иной частотой, нежели генерировал Эпицентр. Молодого человека вышибло из резонанса и согнуло в три погибели, удержать в себе ему не удалось ни потенциала, ни содержимого желудка.

— Человеку плохо! — завопил Митя и ухватил ошеломленного манифестанта под руку, попутно незаметно для окружающих взяв того на болевое удержание.

— Врача!

Рая пристроилась к блондину с другого боку, но вот так запросто утащить жертву у них не вышло. Отпихнувший меня активист ринулся наперерез, я поставил ему подножку и уронил, а после еще и наступил, чтоб уподобиться профессиональному регбисту и в рывке перехватить кинувшегося за моими сослуживцами крепыша. Кинетический импульс придал дополнительное ускорение, тычок плечом отшвырнул парня в сторону, меня же не хуже щитков прикрывала задействованная в момент столкновения техника закрытой руки. Дальше я пнул по щиколотке активиста со значком среднего специального энергетического училища, пытавшегося поднять уроненного мной товарища, и в голове мелькнуло: «Чем больше хаоса, тем лучше!»

И тотчас где-то совсем неподалеку грохнул взрыв!

Следом захлопали пистолетные выстрелы, и студенты бросились врассыпную. В меня немедленно врезался, едва не сбив с ног, невесть откуда выскочивший юнец, я вслепую отмахнулся от него и каким-то чудом умудрился восстановить равновесие, но вновь покачнулся из-за столкновения с очеред-

ным раззявой. И тут же кто-то накинулся сзади, с визгом повис на спине, полоснул по лицу выкрашенными черным лаком ногтями.

Зараза!

Я среагировал на автомате, но только перехватил девичье запястье и подался вперед, намереваясь перекинуть через себя пронзительно визжавшую истеричку, как неведомая сила сдернула ту с моих плеч. Оглянулся и глазам своим не поверил: отчаянно дрыгая ногами, девица поднималась прямым к зависшему над площадью дирижаблю. И не она одна — целенаправленными воздействиями воздухоплататели выдергивали из толпы заранее намеченные оперативниками цели.

Кто-то сумел задействовать сверхспособности и высвободился из захвата, рухнул вниз, а следом к земле, оставляя за собой длинные белые полосы, понеслись дымовые шашки. Вдыхать их содержимое категорически не хотелось, выставленным плечом я встретил налетевшего с разбегу студента и рванул вдогонку за Митей и Раей. На глаза попался один из примененных ранее активистов, но нас сразу разнесло в разные стороны; в руке у меня остался оторванный воротник.

Выстрелы смолкли, а вот энергетические помехи так и продолжали рвать пространство, манифестанты разбегались, толкались и сбивали друг друга с ног, ладно хоть еще случайные люди успели разойтись и на момент взрыва на площади оставалось не больше двух-трех сотен человек. Толпа стремительно рассеивалась, всюду растекались клубы белесого дыма, от которого саднило горло, текли сопли и щипало глаза, тут и там мелькали фигуры бойцов в противогазах и укрытые оптическими иллюзиями силуэты оперативников.

Последних я скорее ощущал, нежели видел, да уже ни на что особо внимания не обращал, пробираясь к оцеплению. Сбоку выскочил ошалелый студент, пришлось выставить руку и погасить его кинетическую энергию. Сработал излишне жестко, зубы у бедолаги так и клацнули.

Плевать! Сам виноват!

Глаза пекло все сильнее, градом катились слезы, легкие рвал резкий кашель, и, когда меня перехватили бойцы комендатуры, я едва сумел выдавить из себя:

— Лимон!

И да — во рту было кисло, знакомо кисло. Пусть и не успел толком надышаться распыленного над площадью газа, уже ощущал симптомы скорой утраты сверхспособностей.

— Номер?

Я на миг растерялся, потом сообразил, что речь о табельном номере, назвал его, и меня ухватили под руку и потянули в сторону от основной массы вытесняемого с площади люда.

— Сюда! — И тычок в спину направил к скверу. — Иди!

И я пошел. Изредка с площади доносились хлопки выстрелов, но уже началась фильтрация манифестантов с разделением оных на агнцев и козлиц, пакованием последних и вкалыванием им известного препарата; никому больше не было до меня никакого дела. Свежий воздух понемногу прочистил голову, да и кашель почти сразу сошел на нет, вот я и вспомнил о месте встречи, двинулся к главному корпусу, точнее — к припаркованным рядом с ним каретам «скорой помощи».

Все наши уже собрались там: близняшки приводили в порядок одежду, а Митя размахивал руками и в красках живописал свои подвиги приятелям-пролетариям. Я хоть за подчиненных и не волновался особо, но тут окончательно от сердца отлегло. Разве что спросил:

— Макс где?

Клевец неопределенно махнул рукой:

— Работает.

Санитар сунул мне какой-то стаканчик, и я, не задавая лишних вопросов, парой глотков влил в себя его непонятное содержимое. То оказалось начисто лишено какого-либо вкуса, но целебный эффект не заставил долго ждать: сразу и дышать легче стало, и слабость отпустила.

Прибежал до невозможности воодушевленный Максим Бондарь, заметил меня и обрадовался пуще прежнего.

— О, Петя, ты здесь уже? Тогда давай сам командуй!

— Погоди...

— Не расходитесь, еще опознание будет! — отмахнулся Макс и умчался прочь, не снизойдя до объяснений.

Я сплюнул под ноги зеленоватую слюну и уселся на лавочку, заставив потесниться оживленно обсуждавших разгон манифестации приятелей-пролетариев. Еще минут через пять подошел Лев, вручил мне кепку и поспешил скрыться на проходной. Судя по полопавшимся в глазах сосудам, пришлось ему несладко.

Ну а мы остались на улице, и я несколько не сомневался, что не доберусь до квартиры раньше полуночи. Пока опознание проведут, пока показания снимут, потом еще отчитывать-ся за свои действия придется...

Я за цепочку вытянул карманные часы, отщелкнул крышку и обнаружил, что уже без четверти семь. Нет, определенно за полночь освободимся только.

— Митя! — окликнул я подчиненного. — Вы оператора довели?

— Ага! — расплылся Желудь в щербатой улыбке. — В лучшем виде доставили!

Вот и замечательно. Точно ведь непростого персонажа упаковали.

Совсем-совсем непростого.

ГЛАВА 2

Как предполагал, так и вышло: домой получилось вернуться только во втором часу ночи. Поднялся по скрипучей лестнице на этаж, с сомнением поглядел на дверь общей ванной комнаты и отказался от ее посещения, отпер своим ключом квартиру и сразу завалился спать.

Утром разбудил Миша Попович, он постучался ко мне в комнату и крикнул:

— Петя, вставай! Завтракать пора!

Я зевнул, не без труда поборол желание перевалиться на другой бок и закрыть глаза, начал одеваться.

Пусть голова и трещала, будто с похмелья, а всего так и ломало, но завтрак — это святое.

Милена перебралась к Мише еще прошлой осенью, именно она взяла на себя ведение хозяйства и покупку продуктов, да и готовила весьма недурственно. Экономия по сравнению с утренним перекусом в кафе выходила изрядная.

— Доброе утро! — поприветствовал я соседей, заходя на кухню под шкварчание яиц на сковородке.

Нигилист что-то пробурчал в ответ с набитым ртом, а стоявшая у плиты в домашнем халатике Милена оглянулась и улыбнулась.

— Ну наконец-то подружку завел!

— Чего это? — озадачился я, не вполне еще отойдя от сна.

Барышня указала себе на висок, я вышел в коридор, глянул в зеркало и при виде трех оставленных девичьими ногтями царапин даже ругнулся в сердцах:

— Вот сука!

— Свидание не задалось? — рассмеялась Милена.

— Работали вчера на площади, — пояснил я.

— И как? — поинтересовался Миша.

— Было весело, — неопределенно ответил я и прикоснулся пальцами к чайнику.

Тот оказался горячим, так что я просто налил в кружку заварки, добавил кипятка и распахнул раму, чтобы достать из закрепленного на улице за окном ящика завернутый в оберточную бумагу кусок сливочного масла.

Расспросов не последовало, поэтому дальше поинтересовался уже я:

— Что в институте по поводу вчерашнего говорят?

Милена передала мне тарелку с яичницей и сказала:

— Об акции анархистов болтают. Но вчера еще никто ничего толком не знал.

— Говорят, задержанных на митинге наказывать не станут, дадут совету студенческого самоуправления разобраться, — прибавил Миша, потом криво усмехнулся. — Еще хотят объявить бойкот всем, кто в церковь ходит.

Я презрительно фыркнул. Мало того что проследить за выполнением бойкота было попросту нереально, так еще посещали богослужения преимущественно слушатели «Общества изучения сверхэнергии», а те держались друг друга и на посторонних плевать хотели с высокой колокольни. Хотели и плевали.

— Этим советом студенческого самоуправления все уши прожужжали, — поморщился я, сооружая себе бутерброд. — Выборы уже в печенках сидят. Нашли новую игрушку.

— И правильно сделали, — не согласилась со мной Милена. — Людям нужно дать возможность проявить социальную активность!

— Ага-ага, а нам драки потом разнимать.

— Не ворчи!

— Не буду.

Завершил я завтрак бутербродом со сливовым джемом, потом поглядел на часы и сказал:

— Меня не ждите, на первую пару сегодня не пойду.

Своей очереди в ванную комнату пришлось дожидаться десять минут, пока терся в коридоре, привычно пофлиртовал с соседками, затем почистил зубы и принял контрастный душ, но особого облегчения тот вопреки обыкновению не принес. Все же дело было не в физической усталости — нет, подобным

образом сказывалось пребывание в зоне слишком уж интенсивных помех. Ритм этот еще дурацкий... Будто молоточки в голове стучат — тук-тук-тук...

Достало!

В ожидании, когда Миша отправится на учебу, а Милена на работу, я выпил еще одну кружку крепкого черного чая, потом запер за ними и ушел в свою комнату, где угловой столик занимали лабораторный стабилизатор напряжения, короб электрического проигрывателя грампластинок и подключенный к нему радиоприемник.

Щелчком тумблера я подал напряжение и откинул крышку проигрывателя, на котором уже лежала пластинка, окаймленная чередующимися прямоугольниками белых и черных меток. Загорелся красный свет, начал раскручиваться диск, метки побежали было, но потом на освещенном специальной лампочкой краю грампластинки их движение замедлилось, а только скорость стабилизировалась, как в полной мере проявился эффект стробоскопа.

Игла опустилась на диск, и динамик радиоприемника наполнил комнату тихим шуршанием, метки чуть поплыли, пришлось подкручивать регулятор, добиваясь эталонной скорости в семьдесят восемь оборотов в минуту.

И все — встал стробоскоп!

Большая часть пластинки была пустой, я без спешки уселся на кровать, скрестил по-восточному ноги, постарался расслабиться и позабыть о головной боли. Как раз успел погрузиться в поверхностный транс, когда один за другим прозвучали три сигнальных щелчка.

Три! Два! Один! Поехали!

Шуршание исказилось, звук поплыл, динамик стал с некой периодичностью потрескивать, будто игла раз за разом наезжала на перечертившую дорожки трещину. Но — нет, конечно же дело было совсем не в этом.

Давящая неправильность окружающей действительности отступила, я поймал верный темп и расслабился, сумел отрешиться от господствовавшего над всем и вся биения Эпицентра, вновь стал существовать в собственном ритме, в ритме источника-девять.

Увы и ах, Новинск находился в зоне активного излучения Эпицентра, и пусть я давно приспособился к нему, но инциденты, подобные вчерашнему, напрочь выбивали из колеи. Поначалу для восстановления внутреннего равновесия требо-

вались многочасовые медитации, ну а теперь проблему решала трехминутная запись, задававшая ритм источника-девять.

К тому моменту, когда плывущий гул вновь сменился обычным шуршанием иглы по пустой дорожке, головная боль стинула без следа, а сам я ощутил прилив сил, будто после крепкого сна. Тогда обесточил аппаратуру, наскоро побрился и вновь оглядел в зеркало свою покарябанную физиономию. Увы, с поджившими царапинами ничего поделывать было нельзя, отправился одеваться.

Установленный за окном градусник показывал плюс семь, а небо было ясным, и свой кожаный плащ я надевать не стал, обулся, натянул кепку и поспешил в институт на медицинский факультет, где и занимался по субботам. За прогулянную первую пару как-нибудь оправдаюсь, но вот если еще и на вторую опоздаю, точно взгреют. Меня ж туда стараниями доцента Звонаря запихнули, а сам я стажером в первой лаборатории числюсь, поэтому отношение особое — спуску не дадут.

Честно говоря, никакой тяги к медицинской практике я не испытывал, базовое образование в этой сфере понадобилось исключительно для преодоления кое-каких бюрократических препон, но и совсем уж бесполезными субботные занятия все же не были. Скорее уж наоборот, поскольку изучал я травматологию и оказание первой помощи в полевых условиях с учетом последних достижений теории сверхэнергии.

В институт я в итоге пришел минут за пять до перемены, поэтому успел заскочить на почту и отправить Василию телеграмму о переводе Барчука в столицу. Иначе точно замотаюсь и забуду — ближайшие три дня предполагались насыщенной некуда.

Первой парой сегодня стояла лекция о методах экстренного снятия энергетического шока у надорвавшихся или же пострадавших от вражеских воздействий операторов. Тема эта с учетом опыта прошлогодних событий полагалась более чем просто актуальной, посещение занятий сделали обязательным для всех студентов-медиков вне зависимости от года обучения, так что раздобыть конспект получилось без всякого труда. Потолкался среди барышень-первокурсниц, соорудил физиономию пожалостливей — в итоге еще и выбрал тетрадь с самым разборчивым почерком. Наверное, мог бы и о свидании условиться, но свободного времени в обозримом будущем у меня попросту не предвиделось. И на воскресенье что-то планировать — не вариант. Это нормальные люди по воскресеньям от-

дышают, мне о роскоши ничегонеделания оставалось лишь мечтать.

Второй парой шла анатомия, третьей — основы травматологии, и вот уже на них я добросовестно скрипел карандашом по бумаге, а после короткого перекуса в буфете отправился на практические занятия. Обычно под руководством Рашида Рашидовича вправлял вывихи да помогал с несложными переломами, но это обычно, а не сегодня. Начать с того, что коридор оказался запружен студентами разной степени помятости, мой же наставник и его ассистент-интерн выглядели ничуть не краше пациентов.

— Свежая кровь! — провозгласил осунувшийся парень и с надеждой посмотрел на реабилитолога. — Я пойду, Рашид Рашидович?

— Проваливай! — отпустил его тот, помассировал виски и крикнул: — Следующий!

Следующим оказался студент из числа тех, кто самостоятельно передвигаться не мог, его с распухшей и посиневшей ступней доставили в кабинет на каталке. Я как раз успел переодеться и вымыть руки, когда реабилитолог закончил осмотр и принялся вписывать в амбулаторную карту диагноз, бормоча вполголоса что-то о раздробленных плюсневых костях, смещениях и отломках.

— Это, получается, со вчерашнего митинга все? — догадался я.

Рашид Рашидович кивнул:

— Оттуда. Ночь напролет этими бестолочами занимался.

— Много пострадавших?

— Да уж немало, — проворчал реабилитолог. — К счастью, психическое здоровье малолетних имбецилов не по моему профилю, иначе впору было бы в петлю лезть.

Бледный как полотно студент разлепил припухшие веки и заявил:

— Мы просто вышли выразить свою гражданскую позицию! Зачем было вмешиваться? Ничего бы не случилось! Помитинговали бы и разошлись!

— Ты это тем скажи, из чьих потрохов я шрапнель полночи выковыривал! — разозлился Рашид Рашидович. — Гражданская позиция! Тьфу! Как писал один великий: поклоны в храме отбивая, неумный неофит рискует череп проломить!

Студент был не в том состоянии, чтобы состязаться в красноречии, да и некогда нам было впустую языком чесать.

— Линь, собери ему ступню. Если он при этом не будет выть и не потеряет сознания от боли, зачу тебе полевую анестезию.

Бедолага со сломанной ногой в испуге уставился на меня и потребовал:

— Да вы что — озверели, что ли?! Вколите обезболивающее!

— Поговори мне тут еще! — рыкнул я, оторвавшись от записей реабилитолога, и пригрозил: — Заорешь, я тебе вторую ногу сломаю для пересдачи!

Но это так — это нервное. Я ведь самостоятельно столь сложных операций никогда прежде не проводил! Да еще ступня отекала, с чего начать, не представляю даже. Хотя чего тут рассусоливать-то? Начинать надо с начала, то бишь — анестезии. Общая не по моему профилю, а вот с местной проблем быть не должно.

Я положил правую руку на щиколотку пациента и попытался с помощью ясновидения уловить токи сверхсилы в организме оператора. Той в студенте оказались сушие крохи, но хватило и этого. Одновременно с диагностическим воздействием я изменил фокусировку восприятия и сосредоточился на эффекте слияния в единое целое энергии и материи, уловил отклик нервных волокон, заблокировал один отросток, затем другой, и парень как-то разом расслабился, обмяк и даже задышал ровнее.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросил я, легонько постучав по лодыжке.

— Нет, — хрипло прозвучало в ответ.

— Ну и здорово!

Здорово? Если б так! Мне ведь придется обезболивающее воздействие удерживать и одновременно осколки костей совмещать! Это не баран чихнул, это полноценная операция! Пусть при контакте с объектом воздействия я и был способен дозировать энергию буквально сотыми долями сверхджоулей, а ясновидение сто очков вперед даст снимкам, сделанным с помощью икс-лучей, но даже так работа предстоит ювелирная!

Я шумно выдохнул и принялся просвечивать ступню. Постепенно картинка в голове обрела достаточную четкость, и мне удалось сначала определить положение всех осколков, а после прогнать в уме очередность действий — раз и другой, чтобы уже точно ничего не напутать. Затем я потянулся к

сверхсиле и задействовал входящий поток, взялся собирать кости, и — собрал!

Безотрывно следивший за моими манипуляциями Рашид Рашидович покривился для виду, но придираться не стал, махнул рукой:

— Пойдет!

Наложением гипсовой повязки занималась уже вызванная им медсестра. Я за ее манипуляциями не следил, сосредоточился на удержании анестезии и фиксации в правильном положении костей. Прежде чем закончили — взмок.

— Коль ветер в голове, ногам покоя нет! — философски заметил Рашид Рашидович, когда пациента выкатили в коридор, потом испустил тяжкий вздох и хлопнул в ладоши. — Следующая перемена блюд!

И пошло-поехало! Серьезных травм у ожидавшихся своей очереди студентов больше не оказалось, некоторым и вовсе лишь диагностировали банальное сотрясение мозга, а после соответствующей записи в учетной книжке давали стандартный бланк рекомендаций и отправляли восвояси. Но пациенты все шли и шли, и к моменту окончания практики я оказался выжат почище лимона. Еще и Рашид Рашидович задержал на полчаса, освободиться получилось только в половине пятого.

Посидеть в библиотеке я уже точно не успевал, поэтому не стал суетиться и в столовой горбольницы заставил поднос тарелками, не забыв и о паре стаканов компота с коржиком. Уже расправился с солянкой и приступил к макаронам с поджаркой, когда напротив уселся знакомый аспирант.

— Физкульт-привет! — протянул мне руку Василий и начал переставлять на стол тарелки с собственного подноса. — Как жизнь молодая?

— Более-менее, — вздохнул я. — Сам как?

— Не поверишь, — хохотнул Вася, — но лучше всех!

Честно говоря, ответ несказанно удивил. Последнее время Василий ходил как в воду опущенный — он хоть и перевелся с Кордона в Новинск, но полагал новое место недостаточно престижным. Если Леонид получил повышение и возглавил отдел диагностики соискателей, а Семен устроился ассистентом к Леопольду Медунцу, пробившему финансирование своего исследовательского проекта, то Васе вновь пришлось довольствоваться должностью лаборанта. Пусть даже и в первой лаборатории.

Как видно, посмотрел я в ответ на бравурное заявление слишком уж выразительно, и Василий с улыбкой подтвердил:

— Точно-точно!

— Ты же говорил, у вас там скука смертная и одни мымыры работают, не на ком взгляд остановить? — напомнил я.

— Зато туда студенточек симпатичных на процедуры направляют, — привел железный аргумент Василий, но только лишь этим не ограничился и продолжил: — А взять хотя бы Ленью! Я с ним вчера по телефону разговаривал. Вот стал он начальником — и что? На работе днюет и ночует, диссертацию забросил, на танцы месяц не ходил. А Сема?

— А что Сема?

— Да у него уже нервный тик начался! Леопольд его вконец заездил. То не так, это не этак. Отчеты по пять раз переделывать приходится, а еще Вдовец заявки на реактивы заворачивает. У нас перерасход в первом квартале вырисовывается, вот шеф и закручивает гайки.

— В курсе, — кивнул я.

Мы с Леопольдом частенько пересекались в студенческом кафе, и я был прекрасно осведомлен обо всех перипетиях его исследовательского проекта, который велся на базе первой лаборатории и потому во многом зависел от настроения ее заведующего.

— Не-э-э, — покачал головой Василий и сально ухмыльнулся. — Пока Вдовца секретарша ублажала, это все цветочки были. А тут и Любочка в отпуск ушла, и проект создания единого исследовательского центра при институте зарубили, вот и полетели клочки по закоулочкам!

— Перебесится, — беспечно пожал я плечами и приступил ко второму.

Пока пил компот с коржиком, успели обсудить городское первенство по футболу, а потом я глянул на часы и засобирался.

— Все, бежать пора. Бывай!

— На футбол завтра приходи!

— Да какое там! — вздохнул я. — Планов громадь!

И это было истинной правдой. Даже Альберт Павлович со своим поручением втереться в сообщество футбольных болельщиков отстал. Просто не смог устроить так, чтобы у меня в неделю восемь суток сделалось, вот и махнул рукой. Кого-то другого на это направление отрядил.

После столовой я забежал в Бюро оперативного реагирования и просмотрел фотографии задержанных на вчерашнем ми-

тинг, нескольких человек даже узнал, но письменно оформлять показания пришлось только на одного из опознанных — по остальным уже была собрана достаточная доказательная база.

— С этими без тебя разберемся, — отпустил меня Евгений Вихрь, возглавлявший оперативный отдел Бюро.

Я попрощался с ним, а уже на выходе наткнулся на курившего рядом с крыльцом Максима Бондаря.

— Ты поспал? — глянул тот на меня красными глазами кролика-альбиноса. — Везет! Я только на куреве и кофе держусь.

— Давай! — усмехнулся я. — Отрабатывай повышенное до вольствие!

— Иди ты! — ругнулся Макс.

— Пойду, — кивнул я. — Только скажи: всплыло что-нибудь интересное?

— А как же! — фыркнул Бондарь и выкинул окурки в урну. — Три ячейки анархистов вскрыли. Правда, в них все больше слабосилки из училища состояли, студентам исключительно нарушение общественного порядка в вину ставили. Да, кстати! Тот оператор, которого Митя задержал, выпускником РИИФС оказался. Его контрразведка забрала. Им всех анархистов передали.

— Мы его задержали, — поправил я. — Совместными усилиями.

— Как скажешь, — ухмыльнулся Макс.

— А мне говорить ничего не нужно, это в протоколе задержания написано! — парировал я и отправился в лабораторный корпус.

Времени оставалось в запасе изрядно, поэтому шел без всякой спешки, внимательно поглядывая по сторонам. Усиление режима на проходной я отметил еще утром, куда чаще обычного встречались на территории и патрули студенческой дружины. Ну а сотрудники Бюро оперативного реагирования, напротив, глаза учащимся не мозолили — сегодня мои коллеги работали исключительно в штатском.

В целом ситуация оставалась в высшей степени нервной, студенты горячо обсуждали вчерашний инцидент — одни требовали наказать виновных в разгоне митинга, другие обвиняли в случившемся провокаторов, но преобладало все же мнение о необходимости создания независимой комиссии с привлечением представителей совета студенческого самоуправления, выборы в который были назначены на это воскресенье. Накал

страстей оказался предельно высок еще и по причине апогея предвыборной кампании, и диспуты не переходили в рукопашные схватки лишь из-за угрозы снять с голосования кандидатов, чьи группы поддержки будут уличены в мордобое.

«Неплохой способ выпустить пар», — все же отдал я должное решению ректората о создании студенческого совета, несколько не сомневаясь в том, что реальных полномочий, несмотря на все декларации, этот орган не получит и останется исключительно декоративным.

Впрочем — плевать. Меня это не касалось. Своих забот полон рот.

В раздевалке третьей лаборатории я заменил повседневную одежду на трико, майку и тапочки, в таком виде и спустился на пару ярусов ниже уровня земли. Будучи настроенным на источник-девять, в зоне активного излучения Эпицентра я ощущал постоянную неправильность энергетического фона, и, хоть давно адаптировался к чуть искаженной частоте сверхсилы, развитие способностей это обстоятельство несколько не облегчало, и даже наоборот — до предела усложняло. Приходилось заниматься на силовых установках в подвале со специальным экранированием, что панацеей, увы, не являлось, но работу с энергией определенным образом все же упрощало.

С подготовкой аппаратуры справился без привлечения лаборантов. Первым делом обнулil все счетчики, затем установил в печатное устройство новую бобину с бумажной лентой, после чего обратился к сверхсиле. А только ощутил знакомое покалывание в кончиках пальцев и сразу запустил таймер.

Ну, поехали!

Задача была проще не придумаешь: требовалось тянуть сверхэнергию и запитывать электричеством силовую установку. Тянуть, генерировать, запитывать. Тянуть, генерировать, запитывать. И так — ровно час. Шестьдесят минут. Три тысячи шестьсот секунд. И ни секунды передышки!

Расслабишься, возьмешь паузу, и все — тренировка на смарку, прогресса не жди. А это недопустимо, мое продвижение и без того не слишком-то воодушевляло. Надо работать над собой, преодолевать себя. Никак нельзя давать слабину...

Работать над собой, преодолевать себя. Работать над собой, преодолевать себя. Не давать слабину...

Я вошел в ритм и мало-помалу разогрелся, перестал задыхаться и занялся оптимизацией усилий по фильтрации помех.

Втянуть и попутно очистить, сгенерировать электричество и запитать силовую установку.

Схема усложнилась, зато повысилась эффективность и стих гул в голове, но я так и продолжал удерживать мощность на среднем уровне вплоть до первого сигнала таймера. Только тогда приналег изо всех сил, вышел на максимум способностей и не давал себе послаблений до следующего звонка, прозвучавшего лишь через невыносимо долгую минуту.

Уф!

После отрывистого дребезжания я немного расслабился и даже отвлекся на миг, чтобы вытереть катившие по лбу капли пота, но работать со сверхсилой не прекратил, а когда через девять минут прозвучал очередной сигнал, вновь довел мощность до своего нынешнего предела, вновь приналег изо всех сил. И так — раз за разом.

По окончании тренировки я плюхнулся на лавочку и несколько минут размеренно дышал, дожидаясь, пока отступит противная слабость и утихнет головокружение. Потом посмотрел на счетчики и решил, что с учетом очень уж короткого ночного отдыха поработал весьма достойно: все шесть подходов удавалось поднимать мощность до пиковых на текущий момент пятидесяти четырех киловатт, а всего получилось сгенерировать сто шестнадцать мегаджоулей электроэнергии.

Неплохо? А то!

Пусть для достижения суперпозиции мне еще тренироваться и тренироваться, уже сейчас перекрываю предельные для девятого витка сорок четыре киловатта!

Расту над собой, развиваюсь!

Увы, в зоне активного излучения Эпицентра входить в резонанс мне запретили из опасения, что помехи собьют настройку на источник-девять, по той же причине нельзя было и удерживать внутренний потенциал, так что работой с силовой установкой моя тренировка и ограничилась. Собрал бумажную ленту, обнулil датчики, а дальше — душевая, раздевалка и переход в первую лабораторию, которая располагалась в этом же корпусе.

В приемной заведующего я обнаружил, что поведенный Василием слух о причинах дурного настроения господина Вдовца имеет под собой реальное основание, поскольку вместо секретарши за столом с кипой бумаг, парой телефонных аппаратов и печатной машинкой сидела смутно знакомая лаборантка.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ИТЕРАЦИЯ	5
Часть вторая. ЛИКВИДАЦИЯ	164